

Михаил АЛЕКСЕЕВ:

Корреспондент «Литературной России» обратился к известному советскому писателю, Герою Социалистического Труда Михаилу Николаевичу Алексею с просьбой ответить на несколько вопросов о литературном труде, о творческом процессе, о тех задачах, которые стоят перед молодыми литераторами.

ДОСТОЙНО ОТРАЖАТЬ ЭПОХУ

— Мастерство, мастер... Мы часто произносим эти слова применительно к писателю. Что это такое? Талант? Жизненный опыт? Овладение таинствами ремесла?

— Думаю, и то, и другое, и третье. Давайте воспользуемся аналогией: из одной и той же древесной породы с помощью самого немудрого инструмента мастер создает чудо, шедевр, подлинное произведение искусства, а рука бесталанная — некоего деревянного уродца. Но это еще лишь полответ. С литературой дело обстоит сложнее. Нас не может не беспокоить то грустное обстоятельство, что уровень мастерства многих выходящих книг, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Ведь, к примеру сказать, гладкопись — это еще не мастерство. Всеобщая грамотность в стране — чем все мы гордимся, и не без основания — сделала советский народ не только «самым читающим» народом, но, пожалуй, и самым пишущим. А вот последнее обстоятельство, несмотря на кажущуюся его многозначительность, я все же не рискнул бы отнести на счет наших достижений. Многие ведь пишут только потому, что полагают себя грамотными, что овладели первоначальными и обязательными для всех правилами орфографии и синтаксиса, что знают, где ставить точку и запятую. Вот беда: к таким авторам не придерешься, о них не скажешь, что засоряют язык жаргоном, диалектизмами.

Многие книги можно различить лишь по именам их создателей, хотя в каждой наличествует и свой сюжет, иногда даже своя проблема... А вот текста-то своего и нету. Слова секундные, обиходные, как бы для всеобщего удобства расположенные где-то на самой поверхности головного мозга, пригоршнями берутся ленивой и нетребовательной рукой, и вот вам язык без языка, нечто среднеграмматическое, уныло-равнодушное и пресное, хотя восклицательных, вопросительных и прочих знаков препинания там более чем достаточно.

Существует много точек зрения относительно того, кого из литераторов следует награждать высшим титулом, то есть кого мы можем назвать мастером. Когда говорят — мастер, этим определяется все. Тут прибавить ничего, да и не требуется никаких прибавлений. Однако я отдаю предпочтение художнику, в книгах которого как бы и вовсе не замечаешь следов так называемого мастерства.

Разумеется, у него есть все компоненты мастерства: и сюжет, и пейзаж, и художественная деталь, и богатство словаря, но они не бросаются в глаза, больше того — скрыты от нашего взора где-то в глубине. Ты читаешь, наслаждаешься, волнуешься, радуешься, негодуешь, страдаешь, снова радуешься и не знаешь, как, с какой страницей был полонен этой книгой и вообще — как она сработала автором.

А каким невероятным трудом достигается такое мастерство! Каким великим терпением и трудолюбием должен запастись че-

ловек, вступивший на литературную стезю! И, думаю, уместно будет привести в пример, как работает большой русский писатель Леонид Максимович Леонов. Как-то в беседе с нами он сказал: «Я пишу каждый день, вот уже скоро пятьдесят лет — каждый день». А нам припомнился в ту минуту один его труд, удививший даже самых неленивых из пишущих: от строки до строки Леонов переделал ранний свой роман «Вор», книгу, которую весьма высоко оценил Максим Горький. Такую требовательность нечасто можно наблюдать даже у больших мастеров. Для Леонова же это в порядке вещей. Это его творческие будни. Для него — тяжкие дни и годы изнурительного, подвижнического труда, для нас — праздник от встречи с изумительными образцами настоящего искусства. А может быть, и для него тоже праздник? Муки созидания, муки творчества — не самые ли они сладкие для настоящего художника?!

— Вы возглавляете журнал «Москва». Естественно, что вам приходится сталкиваться с молодыми писателями, только что начинающими свой путь в литературе. Каковы, на ваш взгляд, наиболее распространенные недостатки молодых писателей?

— Частично я уже ответил на этот вопрос, говоря о приблизительном, секундном, обиходном языке, которым нередко грешат произведения начинающих. Но даже наиболее талантливые из молодых писателей, которые входят в литературу со своим голосом, ярко и самобытно, которых, пожалуй, не упрекнешь в отсутствии живого, образного языка, все-таки долго, слишком долго все они задерживаются в категории молодых, подающих надежды.

Вспомните, как входили в литературу Фадеев, Шолохов, тот же Леонов, входили без скидок на молодость, мощно, во весь голос заявляя о себе. Они ставили перед собой предельно высокие и необычайно трудные задачи! По их произведениям можно изучать эпоху.

Достигает ли мы сегодня таких же высот? Пытаются ли молодые прозаики осмыслить наше сложное время столь же масштабно?

Мне хочется, чтобы у наших молодых товарищей эпитет «молодой» как можно скорее отделился от слова «литератор». Пускай он какое-то время остается лишь как обозначение физического возраста писателя, а не его творения, которые должны быть во всех отношениях зрелыми, а молодыми — всегда лишь в смысле свежести и яркости. Уж коли ты рискнул выйти к людям со своим, выстраданным тобой словом — какой же ты молодой? Ты учитель! Молодой учитель! И десятки тысяч, миллионы читателей сидят перед тобой «за партой»!

А чтобы быть хорошим учителем, как известно, надо непрерывно учиться самому. Не ежели литератор поставит перед собой заведомо непосильную задачу — быть знающим во всех областях человеческой деятельности, то во всех этих областях он ничего толком знать не бу-

дет. Конечно, чутким ухом художника он должен улавливать все звуки мира, его сердце должно быть открыто всем человеческим страстям, но для себя он должен раз и навсегда определить одну, пускай однуединственную, но «пламенную страсть».

Надо избрать для себя что-то одно, прикипеть к нему не только разумом, но и сердцем — прежде всего сердцем! — тогда эта область и люди, работающие в ней, раскроются перед тобой полностью и во всей пленительной привлекательности. Не надо только притворяться знающим: гнев холодное и равнодушное перо выдаст тебя с головой перед читателем. Надо знать и любить эту область. Любить просто и естественно, как любят люди, избравшие ее делом всей своей жизни.

Другого пути к исследованию души человеческой мне, честно говоря, не видится.

— Бывает, что молодой писатель стремительно входит в литературу с первой книгой. Мы смотрим на него с надеждой, ждем. А он так и не поднимается выше уровня первого произведения. В чем тут дело?

— Причин здесь много. Во-первых, бывает, что жизненного опыта, интересных наблюдений хватает всего на одно произведение. А постоянно обновлять свои запасы молодой литератор не озаботился. Вот и выходит, что сказать ему больше нечего. Завота о пополнении своего жизненного багажа — одна из главных в профессии писателя.

В бурном кружении литературной реки молодого человека подстерегает немало пороков. Поначалу начинающий писатель обязательно кому-то подражает и не может не подражать, подобно тому, как ребенок, учась ходить, не может не держаться либо за юбку матери, либо за руку отца, то есть не может не подражать взрослому. Подражая, молодой литератор постепенно нащупывает свой стиль, ищет самого себя. Иногда эти поиски затягиваются на многие годы, иногда — на всю жизнь, случается, увы, и так, что отважившийся стать писателем так и не станет им, то есть вовсе не найдет себя. Но вот наступает момент — у одного быстрее, у другого позже, — человек заговорил на бумаге своим собственным, только ему присущим языком, преодолел барьер, отделяющий литературину от настоящей литературы. И мы, удивляемся, радуемся: до чего свежо, до чего ново и ярко!

К примеру, мы напечатали в журнале «Москва» рассказы молодого прозаика Николая Верещагина. Это были хорошие рассказы, и мы были вправе ожидать от автора и в дальнейшем интересных произведений. Мы видели, что он входит в литературу наспешно, но основательно и твердо. И как приятно, что он не обманул наших ожиданий. Его рассказы были лишь подступом к большой, серьезной работе, к первому его роману, который мы в скором времени собираемся опубликовать.

Талант — это «многоголосие» палитры художника. Как, конечно, и умение постичь голоса красок и полутонов. Без этого истинная литература не существует. Читатель открывает новую книгу для того, чтобы погрузиться либо в неведомый для него

мир, либо в мир уже знакомый, уже пережитый, но повернутый автором произведения с какой-то совершенно неожиданной для читателя стороны.

Вот тут-то неопытного литератора снова подстерегает коварный порок. Часто молодой писатель старается быть оригинальным, во что бы то ни стало желает прослыть новатором.

Но что же такое новатор? Мы можем с одной и той же точкой наблюдать один и тот же предмет, но впечатления наши будут неодинаковы. Если человек вполне доверится своему впечатлению и расскажет о нем с большей долей искренности и при этом не будет вспоминать, как о том же самом рассказывалось до него другими, — перед нами явится нечто совершенно неожиданное, а значит, и свежее, а значит, и оригинальное. Мы будем иметь дело с новым талантливым рассказчиком, а в нашем случае — прозаиком, которого, если угодно, и можно назвать новатором. И стал он таковым, не гнушаясь перевернуть вверх дном решительно все в речи, на которой говорит поразивший его народ, а опираясь на эту речь, работая внутри нее. Пушкин и Лермонтов были несколько не похожи друг на друга, как не походили на них и друг на друга пришедшие следом за ними в литературу Тургенев, Гоголь, Толстой. Следовательно, великие наши предшественники были тоже новаторами — до чего все они разные и яркие! — и стать таковыми им не помешала классическая, казалось бы, традиционная, реалистическая школа письма.

Осмелюсь сделать вывод: нельзя стать новатором искусственно. Новаторство — категория естественная, подсказанная внутренними импульсами писателя, то есть всем комплексом его идей и художественных средств.

Немало споров идет о форме и содержании литературного произведения, о том, как соотносить их друг с другом, чему отдать предпочтение, хотя все вроде бы очень просто: в художественном произведении содержание и форма неразрывны. К тому же мы знаем, что читатель получает духовное, эстетическое наслаждение не только от мысли, заключенной в произведении, но и от того, как эта мысль изложена, то есть от музыки самого слова.

Я разделяю в этом отношении одну весьма примечательную запись в дневнике академика Ивана Граве: «Фраза есть косяком мысли. Большинство людей очень небрежно, неряшливо одевают свои мысли. У большинства людей мысли выскакивают растрепанными и полуодетыми, словно спростыня».

— Как возникает замысел произведения? Вопрос традиционный, но без него не обойтись в разговоре, адресованном молодым.

— Работа над рукописью — процесс сугубо индивидуальный. Одни составляют подробнейший план будущего сочинения, сюжет в этом случае komponуется с особым усердием, герои обозначаются не только по именам, но и по характерам, указываются их поступки по главам и т. д. Другие ограничиваются контурной схемой. А третьи, кроме общего замысла, в котором герой видится лишь «сквозь магический кристалл», ничего заранее не заготовляют, ибо полагают все это совершенно не нужным. Но какие бы планы ни составлял писатель заранее, они редко выдерживаются до конца. В творческом процессе от подобного плана обычно остаются рожи да ножки.

Что же касается замысла, то о нем лучше всего никому не рассказывать. Лично я, как мне кажется, загубил немало добрых сюжетов лишь тем, что рассказывал о них... Потерялась свежесть восприятия. Мне стало неинтересно писать. Сердце как бы от-

работало, отволновалось. Но, вероятно, это моя чисто индивидуальная особенность. Я знаю писателей, которые болезненно рассказывают о своих замыслах, делятся подробностями сюжета. Они словно прислушиваются к реакции слушателя, проверяя, насколько интересуют его тот или иной рассказ.

Как бы там ни было, задумывая сюжет новой книги, писатель прежде всего должен услышать свое время, быть созвучным ему. В пору Николая Островского работали мастера, искуснее, чем он, владевшие резцом. Но Островский создал Павку Корчагина, которого властно и нетерпеливо требовала бурная эпоха, и книга Островского суждена долгая и славная жизнь.

Создание образов, которые достойно представляли бы нашу эпоху не только теперь, но и перед временами грядущими, остается задачей номер один, или, как еще говорят, сверхзадачей. Этому — в первую, и во вторую, и в третью очередь — должны быть подчинены все наши мысли, все наши разговоры, все наши рассуждения о новаторстве, о языке литературы, о положительном и отрицательном герое, обо всех компонентах, входящих в понятие художественного творчества.

— В Малом театре состоялась премьера спектакля «Иаушка не плачущая», созданного по инсценировке вашего романа. Как вы вообще относитесь к инсценировкам? Кинематограф, театр, телевидение предлагают молодому прозаику множество соблазнов. Нужна ли здесь, по-вашему, определенная стойкость или это процесс естественный и закономерный?

— Я очень удивился, узнав, что одним известным, очень уважаемым мною прозаиком написан пьесу по своей собственной повести. Мне это показалось не очень целомудренно, что ли, не очень нравственно... Значит, ты не вложил в повесть всего своего сердца, значит, она тебе была не очень дорога. Ведь у драматургического жанра свои законы, и нарушить их безнаказанно невозможно. Значит, нужно поступиться многими эпизодами, сократить количество действующих лиц да и мест действия, освободиться от пейзажа и так далее, и так далее.

Я лично с большой робостью и осторожностью отношусь к экранизациям и к театральным вариантам своих произведений. В любом случае (и если удача, и если неудача) автор платит очень дорого и, как правило, самым своим сокровенным.

Когда я пишу книгу — я за все в ответе один. В кинематографе же, к примеру, в работу включается целая армия специалистов — сценарист, режиссер, художник, оператор, актеры... Все они творческие люди и имеют право на свою точку зрения, свой взгляд на тот или иной эпизод.

И нередко все, что ты создал, прямо на твоих глазах как бы ускользает от тебя, и ты уже не властен ничего изменить. Конечно, мне могут возразить: в этой работе есть и свои радости... Несомненно. Я говорю только о своем восприятии.

Я бы поостерег молодых прозаиков от этих соблазнов. И особенно от эуэты, когда ставшего модным писателя растаскивают буквально по частям, а у него, бедного, «от радости в зобу дыханье сперло». И скорее, скорее... Старается всюду поспеть — в кино, на телевидение. Скорее, кино зовут. И не понимает он, что рискует самым главным — добрым именем первой своей книги!

И невозвратимы те часы суety, отнятые у писательского стола. И войти в творческое состояние после долгого перерыва очень трудно. Все нужно начинать как бы заново. Письменный стол ревет, он не любит, когда его оставляют. Беседу вел Э. ФЕДОТОВ